АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ДРУЖБЫ НАРОДОВ ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИМЕНИ А.М.ГОРЬКОГО

На правах рукописи

ДЖОПУА Зураб Джотович

АБХАЗСКИЙ НАРТСКИЙ ЭПОС: СИСТЕМА СЮЖЕТОВ. ПОЭТИКА. СТИЛЬ

10.01.09 - фольклористика

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва - 1989

Работа выполнена в отделе фольклора Института мировой литературы им.А.М.Горького АН СССР

Научный руководитель – доктор филологических наук
ГАЦАК В.М.

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук АРДЗИНБА В.Г.
кандидат филологических наук АГАШКИНА Т.А.

Ведущее учреждение – Абхазский государственный университет им.А.М.Горького

Защита диссертации состоится " " _____ 1989 г. в ____ часов на заседании специализированного совета Д.002.44.02 по филологическим наукам при Институте мировой литературы им.А.М.Горького АН СССР.

Адрес: 121069 Москва, ул.Воровского, 25-а.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института мировой литературы им.А.М.Горького АН СССР.

Автореферат разослан " " _____ 1989 г.

Ученый секретарь
специализированного совета
кандидат филологических наук

Р.К.Отарова

Актуальность работы. Абхазские нартские сказания представляют одну из основных версий нартского эпоса – выдающегося фольклорного памятника народов Кавказа. Необходимость системно-аналитического изучения реальной фактуры абхазских нартских сказаний диктуется самим состоянием нартоведения, которое долгое время занималось преимущественно выявлением "основы", архаического "ядра" эпоса. И поэтому наименее изученными остались система сюжетов, поэтика и стиль эпических сказаний. Без восполнения этого большого пробела невозможно полновесное научное освоение абхазского эпического наследия, а также плодотворное его изучение в кругу национальных версий эпоса о нартах. Актуальной представляется и сама разработка методики изучения этих важных аспектов применительно к нартским сказаниям.

Некоторые вопросы системы сюжетов, поэтики и стиля абхазского нартского эпоса отчасти, с выборочным обращением к текстам, затрагивались исследователями (А.А.Аншба, Ш.Х.Салакая и др.). Нами учитываются результаты и характеристики, наметившиеся в существующих работах. В необходимых конкретных случаях мы развиваем или оспариваем их, при том, однако, что в целом сюжетная и поэтико-стилевая фактура эпоса предстает в диссертации в ином охвате и исследовательском осмыслении.

Цель и задачи исследования. Диссертация имеет своей целью выявить сюжетно-тематический состав и совокупность поэтико-стилевых средств абхазской версии нартского эпоса, "внутреннюю законность народно-поэтического организма" (А.Н.Веселовский), исходя из всей суммы эпического материала, ибо лишь максимальный учет всей текстовой реальности может дать надежные научные результаты. Для достижения этой цели потребовалось: а) систематизировать эпические тексты с учетом их реальной фактуры и устных основ и представить возможно полную картину состава абхазских нартских сказаний; б) выяснить художественно-воззренческие принципы эпического изображения в абхазском эпосе о нартах и показать своеобразие их функционирования.

Источники исследования. Материалом для исследования послужила вся совокупность текстов абхазского нартского эпоса, собранных к настоящему времени, в том числе собственные записи автора, осуществленные в 1980-1987 годах. Она составила 288 сказаний, вклю-

чая все варианты. Общий объем корпуса текстов – свыше 940 машинописных страниц: 631 не печатавшаяся до сих пор (или не воспроизводившаяся в научном издании) и 309 помещенных в текстологически надежных публикациях. Бо́льшую часть неопубликованного материала составляют записи из рукописных фондов Абхазского НИИ, выделенные из общей суммы фольклорных материалов и любезно представленные нам Ш.Х.Салакая. Возможностью использовать некоторые другие тексты (существенно, что часть из них записана от турецких абхазов) мы обязаны научному сотруднику Абхазского государственного музея Р.Гожбе. Свыше 1/6 части всего корпуса материала (176 машинописных страниц) образовали наши текстовые расшифровки собственных магнитофонных записей (включая разновременные), сделанных в Абхазии с ноября 1980 по август 1987 гг. В качестве сравнительного абхазского материала использовались тексты волшебно-героических сказок и героико-исторических песен и сказаний.

Для более верного уяснения художественной сути рассматриваемых явлений эпического сюжетосложения, поэтики и стиля абхазских нартских сказаний мы обращались к текстам других версий эпоса (абазинской, адыгской, осетинской) и к эпическим традициям более отдаленных народов.

Перевод цитируемых абхазских источников принадлежит автору.

Научная новизна диссертации обусловливается, прежде всего, выбором аспектов – "Система сюжетов. Поэтика и стиль", – которые применительно к абхазскому нартскому эпосу еще не исследовались специально, на основе всех имеющихся материалов. Работа представляет собой первый опыт аналитического изучения системы сюжетов, поэтики и стиля абхазского нартского эпоса на эпическом материале, который еще не анализировался в полном объеме (из разбираемых нами текстов около 70% привлекается впервые). Собраны воедино и систематизированы эпические тексты. Конкретно разобран весь сюжетно-тематический ряд абхазских нартских сказаний. Особую значимость обретает попытка выяснить меру сохраняемости и изменчивости эпической традиции во времени. В процессе подробного текстологического рассмотрения эпического материала было выявлено, что целостность и изменчивость абхазских нартских текстов зависит главным образом от характера самих эпических событий, меры "эпического знания", повествовательной "ориентации" и памяти исполнителей. Аналитически рассмотрены важнейшие категории поэтики и стиля абхазского нартского эпоса: эпико-фантастические и собственно гиперболические описания, художественно-определительная система. Прослеживается историко-поэтическая специфика их функционирования в эпическом повествовании. Предпринята попытка выявить сходство и различие семантических и эстетических функций эпико-фантастических и собственно гиперболических описаний в разных национальных версиях нартского эпоса, а также в волшебно-героических сказках и героико-историческом эпосе абхазов.

Впервые освещаются такие поэтико-стилевые явления нартского эпоса, как "эпико-фантастические описания" и "удвоенные эпитеты", не выделявшиеся в имеющихся исследованиях абхазского эпоса. Указатель эпических сюжетов и версий, прилагаемый к работе, создает реальную основу для каталогизации дальнейших записей и создания эпического раздела научной систематики абхазского фольклорного наследия.

Методы исследования. В процессе исследования решение поставленных задач осуществлялось, исходя из диалектического соотношения единичного, особенного и общего. Рассмотрение сюжетно-тематических и поэтико-стилевых явлений абхазского нартского эпоса велось с учетом закономерностей историко-культурного развития эпической (нартской) традиции в целом. Разбор текстов опирался на сравнительную методику: сопоставляются абхазские записи разных мест и времен. Принципиальной базой работы служил историко-материалистический метод. В теоретическом и методическом плане автор опирался на труды филологов-классиков, а также на исследования современных фольклористов-эпосоведов.

Практическая и теоретическая значимость диссертации определяется тем, что аналитические результаты, содержащиеся в ней (систематизация текстов и изобразительных средств), могут быть использованы при группировании и комментировании материала в академическом издании текстов абхазского нартского эпоса в серии "Эпос народов СССР" и в научном своде абхазского фольклора, а также при углубленном сравнительном изучении поэтики разных национальных версий нартского эпоса. Непосредственные практические результаты исследования могут быть использованы при чтении вузовского курса лекций, спецкурсов по абхазскому фольклору и проведении практических занятий со студентами.

Апробация работы. Диссертация обсуждалась и одобрена отделом

фольклора Института мировой литературы им.А.М.Горького АН СССР. Основные положения работы изложены в публикациях автора (в виде шести статей) общим объемом более 3 п.л.

Структура и объем работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения (объем 174 страницы машинописного текста), приложения (39 страниц) и библиографии (22 страницы).

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во Введении обосновываются выбор темы, направление и принципы ее исследования, формулируются основные цели и задачи диссертации, определяющие ее новизну и отличие от существующих работ.

Глава I. СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ТЕКСТОВ АБХАЗСКОГО НАРТСКОГО ЭПОСА

Диалектика изучения фольклора подводит к пониманию того реального факта, что текстологический анализ и научная систематизация материала предстают первоочередной задачей современного фольклористического исследования. Применительно к текстам такого архаического и прошедшего столь длительную историю бытования эпоса, как нартский (это относится ко всем его версиям), актуальность и сложность задачи усугубляется. Исследователями до сих пор конкретно не выявлена реальная картина сюжетики абхазского нартского эпоса в полном ее объеме.

Автором, прежде всего, проделан необходимый текстологический анализ привлекаемого материала абхазского нартского эпоса. В результате во всем сложном составе нартских текстов выявилось 48 сюжетных разновидностей ("инвариантов"). Общее количество рассмотренных вариантов – 288 – оказалось в шесть раз больше числа самих сюжетных единиц. Это весьма существенный результат систематизации материала, дающий представление о характере и мере традиционности текстового состава абхазского нартского эпоса.

Учитывая родовые качества эпической традиции, мы группируем тексты по сюжетно-тематическому критерию (на уровне законченных сюжетных единиц). Такой способ "расслоения" материала приводит к действительно системному раскрытию процессов, происходящих в эпосе вокруг сюжетных "инвариантов".

§ I. Сюжетно-тематический состав. Семантическая сюжетно-тематическая раскладка текстов не только упорядочивает эпические

сказания, но и сохраняет некую "иерархию" художественной действительности эпики. Отсюда – выделение двух групп сюжетно-повествовательных единиц. К первой из них относятся самые основные (сквозные) сказания, выделяющиеся из всего сюжетно-тематического диапазона эпоса, ко второй – тексты, отличающиеся сравнительно меньшей частотой появления. Если тексты первой группы характеризуются бóльшей сохранностью собственно эпической фактуры, то в большинстве текстов второй группы наглядно подключение или проникновение элементов других различных видов народной словесности. Таким образом, при группировке текстов мы учитывали не только характер повествования и композиционного строя сказаний, но и степень их эпической значимости. Это свойство и определяет последовательность размещения сюжетных единиц в исследовании. И, как представляется, нам удалось выявить конкретные проявления стадиальной специфики народной эпики. Соответственно в нартском эпосе можно выделить два основных уровня развития эпического творчества: эпика как "абсолютное прошлое" и эпика как "следствие" абсолютного прошлого.

Проведенный анализ подводит к выводу о том, что в эпосе налицо семантическая взаимосвязь сюжетов: наличие того или иного отдельно взятого сказания в эпической традиции мотивируется течением "событийного ряда".

§ 2. Контаминированные тексты. В абхазском нартском эпосе предстают контаминации более традиционные и менее традиционные (индивидуальные). Среди последних есть относительно удачные, устойчивые в репертуаре отдельных сказителей. Неудачные же дают "разрушенные" тексты.

Традиционная, "творческая" контаминация предстает как одна из естественных форм существования эпического повествования во времени.

По специфике соотношения сливающихся сюжетов выделяются две основные разновидности эпического контаминирования: контаминация как последовательное продолжение событийной линии и контаминация как "резюмирующий" рассказ группы нартских сюжетов.

Сказания первой разновидности (они составляют основной массив контаминированных текстов) формируются "по принципу наибольшего выделения главного героя" (Д.С.Лихачев). Этим определяется точка соприкосновения сливающихся сюжетов. Основной персонаж – регулятор контаминации сюжетов. Иначе говоря, повествователь

представляет нам эпическую биографию основного персонажа, а не разные сказания о нем. Степень же художественной целостности и совершенности сочетающихся сюжетов определяется рядом признаков. Это связано с повествовательной "ориентацией" и памятью сказителя, а также с самим характером эпических событий.

Во второй разновидности контаминирования сюжетов эпическая биография персонажа прерывается включением в нее другого сюжета с иным главным персонажем, или же соединяются тематически близкие либо разнородные сюжеты с разными персонажами. Но и этот вид сцепления также мотивируется различными повествовательными ассоциациями.

Соединяя вместе сказания о различных подвигах одного и того же героя, сказители сохраняют последовательность (непрерывность) эпических событий. Не очень существенные перестановки сюжетов, мотивов и отдельных эпизодов, которые могут иметь место, пока еще не нарушают композиционного строя эпической фабулы.

Итак, следование течению содержательной линии является основным творческим условием слияния эпических сюжетов и мотивов в контаминированных текстах (а возможное тематическое созвучие текстов подчиняется этому условию).

Характерно, что контаминированию подвергается основной ряд сюжетно-повествовательных звеньев эпоса, а не периферийные сказания. Это означает, что контаминации не следует целиком относить к поздним явлениям, они могут иметь длительную историю. В работе выделяются две контаминированные пары ("рождение и богатырское детство героя" + "добывание огня" и "встреча с ацаном-карликом" + "овладение крепостью и спор нартов"), как самые традиционные и постоянные. Даже те исполнители, которые склонны излагать нартские сказания раздельно, часто соединяют эти сказания. Тексты могут постепенно развертываться за счет включения в них других эпических сюжетов и мотивов. Такие "сводные" сказания показательны в плане глубинности и устойчивости эпической контаминации. Они позволяют предполагать, что контаминация в данном случае является традиционно устойчивым и сложным типом бытования повествований. Наш материал подтверждает соображение о том, что "контаминированность – давняя традиционная особенность бытия некоторых сюжетов. Говорить о ней как об индивидуальном акте следует осторожнее"[1].

С другой стороны, много контаминаций образуется в результате сугубо личного сказительского почина. Об устойчивости применительно к ним можно говорить лишь в индивидуальном плане. Удачные соединения являются показателем мастерства повествователя. Конечно, мера сказительской интерпретации и новации зависит и от знания эпической традиции. Лишь широкое знание традиционного эпического материала дает возможность повествователю творчески объединять различные сюжеты в одно сказание.

§ 3. Усеченные и амплифицированные тексты. Из имеющегося материала в качестве "разрушенных" сказаний предстало 17 текстов (общее число вариантов – 22). В одних текстах налицо редукция, пересказ эпических сказаний, "упрощение, усечение традиционного повествовательного контекста, в котором "план содержания" преобладает над "планом выражения"[2]. Передается лишь "план содержания", эпический же лексикон текста заменяется неэпическим. Можно говорить о сохранности только остова повествования (к этому сводится "эпичность" текста, словесный же материал удерживается фрагментарно). В некоторых случаях происходит малоестественное усложнение за счет нетрадиционного слияния сюжетов и мотивов или присоединения неэпических элементов к эпическим.

Каждый из прокомментированных в работе "разрушенных" текстов записан от какого-то одного сказителя, и только по одному разу. Отсюда возникает предположение, что упрощение (фрагментарность и скудость передачи) или разветвление эпических сказаний в известной мере – явления личностного (а не жанрового) характера. Утрата эпических качеств, альтернативных ходов и их переосмысление, а также неестественные подключения наблюдаются лишь в индивидуальных репертуарах. Иными словами, если "творческое" контаминирование – результат широкого "эпического знания", основывающегося на принципе последовательной перелачи событийной линии, то редуцирование и амплифицирование являются следствием малой эпической осведомленности исполнителей и строятся на случайном сходстве контекстуальных ситуации и внешних очертаний сливающихся мо-

---

1. Гацак В.М. Сказочник и его текст: К развитию экспериментального направления в фольклористике // Проблемы фольклора. – М., 1975, с.48.

2. Далгат У.Б. Вопросы научного анализа и критической оцен-

./.

тивов и сюжетов.

§ 4. Иножанровые включения. В наибольшей степени в эпос вовлекаются волшебно-героические сказки, предания и героико-исторические сказания. Они (или их "фрагменты", мотивы) в эпическом повествовании предстают в разных контекстуальных измерениях.

Неодинакова и неравномерна степень сказочности в различных текстах. Могут быть выделены две группы случаев: а) сказочные сюжеты и мотивы, проникающие в эпическое повествование; б) тексты, принимающие сказочный колорит. Первая группа, как нам кажется, - результат начальных и последующих этапов взаимообогащения эпической и сказочной традиций, включая позднейшие этапы жизни эпоса. Тексты же второй группы - итог сравнительно позднейшего процесса трансформации эпических сказаний.

Итак, правомерно допустить, что начальным было естественное взаимоприкосновение разных форм фольклорного творчества. На данном этапе превалировало, вероятно, направление от сказки к эпосу: он воспринимал не только отдельные мотивы и эпизоды, но и сами сюжеты. Сюжеты не входили в эпические сказания как отдельные эпизоды, они дополняли биографию эпического персонажа как самостоятельные повествования. Мотивы же проникают в сами сказания в виде отдельных эпизодов.

Однако сказочные сюжеты и мотивы, проникающие в повествовательную ткань эпоса, не в равной степени "эпичны". Те, которые более прочно вписываются в эпический контекст, сохраняют бо́льшую частотность появлений в сказительской традиции, те же, которые непосредственно не отвечают задачам сюжетного движения, не пользуются такой частотностью или вовсе единичны.

Иной этап взаимопроникновения двух жанров составляет процесс обретения сказочных черт самим эпическим сказанием. Эпический текст отчасти теряет свою форму, свои жанровые качества. Эпическое может стать неэпическим: оно получает сказочное изложение. В результате эпические события предстают как бы в сказочной конструкции. В этом отношении наш материал дает весьма интересную картину: варианты сюжетов, перешедших из сказочной традиции в эпос, в основном, передаются в сказочной манере повествования.

ки эпических текстов в эдиционной работе // Фольклор: Издание эпоса. - М., 1977, с.49.

Сказка совершает своеобразный кругооборот. Пройдя закономерный путь внедрения в эпос и обогащения эпическими элементами, она теряет приобретенные эпические "подпорки" и вновь приближается к своей собственной форме.

К числу иножанровых включений относятся и повествовательные элементы мифов и преданий в эпосе. Помимо скрытых, латентно присутствующих в эпическом материале ритуально-мифических компонентов[3], мы выделяем реально наблюдаемую картину: мифические "вставки" в эпических сказаниях и тексты, строящиеся в манере повествования мифов и преданий. Иными словами, мы обращаемся к мифологическим слагаемым, систематизируя нартскую сюжетику, т.е. приближаемся к мифу и преданию в той мере, в какой они повествовательно значимы в эпосе. Рассматривая миф и предание в этом (и только в этом) плане, можно обозначить две основные формы их проявления в эпических текстах: в виде отдельных элементов, с одной стороны, и в виде самостоятельных сказаний - с другой.

Выделяется определенный круг текстов, который включает серию этиологических элементов и эпизодов, объясняющих причины различных явлений и примет. Особенность этиологических элементов заключается в том, что они постоянно встречаются в форме сказительских ремарок. Но, в отличие от других уточняющих пояснений, этиологические "комментарии" более развернуты и устойчивы. За крайне редким исключением они выступают в финальной части текста. Это обусловливается, как кажется, самой функциональной значимостью финальных формул. Ими сказитель не только поясняет только что произнесенную фразу, но и комментирует внутрисюжетные реалии. Этим в известной степени суммируется весь эпический сюжет.

В другой категории текстов не только содержатся элементы предания и его очертания, но и сами они строятся по типу предания,

---

3. В этом отношении весьма примечательны находки В.Г.Ардзинбы. На основе подробного анализа группы узловых сюжетов ("однотипных по своей структуре") нартского эпоса в контексте мифоэпической традиции народов Кавказа и древнего Востока исследователь выявляет архаичную семантику ряда эпических мотивов, элементов и образов (Ардзинба В.Г. Нартский сюжет о рождении героя из камня // Древняя Анатолия. - М., 1985. - С.128-168).

передают его сущность. Элементы предания и этиологические толкования здесь уже выступают как важные семантические компоненты текста. Народные воззрения на те или иные события соприкасаются с эпическим мировоззрением. Текст целиком посвящается объяснению происхождения каких-либо явлений. Собственно, это и есть предание в эпической оболочке. Поэтому для более точной передачи сути таких сказаний их можно обозначить, как "нартские предания". Очень важно, что перед нами не трансформация нартских сказаний (включение эпических имен и образов в предания и т.д.), а более сложный творческий акт. Проведенный анализ позволяет предположить, что формирование "нартских преданий" происходило отнюдь не на ранних стадиях бытования нартского эпоса. В данной ситуации эпические образы служат художественно-поэтическому воплощению сущности предания. Именно широта "эпического знания" и владения художественной традицией нартской эпики формируют "нартские предания".

Роль героико-исторических сказаний в эпосе не столь велика. Преимущественно одна их сюжетная линия (в отсутствие героя противник нападает на его землю; герой, услышав об этом, вступает в бой с противником и побеждает его) проявляется в нартском эпосе. Этому способствуют опорные моменты эпических сюжетов: указанные мотивы проникают именно в те эпические сказания, которые строятся на двух узловых моментах – нападение противника и бой героя с ним. В остальных случаях воздействие героико-исторических сказаний ощущается в чисто внешних очертаниях отдельных сцен или же в интонации повествования. Последнее непосредственно вытекает из самой манеры исполнения. Репертуар отдельных сказителей овеян мотивами героико-исторических сказаний; тот же "ритм исполнения" они придают и нартским сказаниям.

Глава П. ПОЭТИКО-СТИЛЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ АБХАЗСКОГО НАРТСКОГО ЭПОСА

§ I. Эпико-фантастические описания. Выявление поэтико-стилевой специфики абхазского нартского эпоса требует анализа не только известных поэтических приемов, но более сложных своеобразных художественных явлений. В частности, для понимания масштаба изображения, его характера и стадиальной природы важно, прежде чем обратиться к собственно гиперболическим описаниям и действиям,

выделить и обозреть описания, которые относятся к древним героико-эпическим типам изображения.

В абхазских нартских сказаниях по своей художественной специфике они подразделяются на две разновидности: а) реакция природы на появление и действия эпического персонажа; б) другие необыкновенные свойства и действия героя.

Пример первой разновидности (появление противника):

Иаалырқьан адгъыл аацысит, уафы ишимбара ацшатлаку асит, акуқуахәа акырцх ауда иалагеит. Бзоу ахьҽахәаз акъыркъырра иалагеит. Сасрыкуа атхарцәахәа даақутәеит. Данцшы даук дшаауаз ибеит атәыла рбго ирашь дақутәаны	"Внезапно земля затряслась, поднялся невиданной силы ураганный ветер, забарабанил град. Бзоу заржал, Сасрыква мгновенно выскочил. Оглядевшись, увидел, что к нему скачет адауы (великан) на араще, круша все на своем пути".

Пример второй разновидности (испытание героя богатырским конем):

Ажәфан ацаннақьеит, адгъыл ацаннақьеит, алада ахәеит, афада ахәеит, аха егъимыхькуа иеихьчеит	"(Конь) ударился о небо, ударился о землю, устремился вниз, устремился вверх, но он (Сасрыква) удержался в седле".

Очень важно знать, какова мера распространенности и устойчивости таких описаний в нартском эпосе, поскольку этим определяется историко-поэтический тип изображения. Выявилось, что данные описания первоначально имели атрибутивный смысл (описания первой разновидности – применительно к демоническим персонажам, а описания второй разновидности – применительно к эпическим богатырям).

Анализируя тексты нартского эпоса, мы выделили 88 эпико-фантастических описаний вместе со всеми их сходными вариантами. В результате выявился определенный круг основных мотивов таких описаний: "появление персонажа" (I6), "богатырский поединок" (5), "богатырский удар" (I0), "скачка богатыря" (4), "сила богатыря" (I), "голос богатыря" (I), "испытание героя богатырским конем" (I2), "стрельба героя горящей стрелой в звезду" (I7), "стрельба нартов из пушки по крепости" (8), "физическое воздействие" рассказа героя о совершенных подвигах" (I4). В итоге: I0 мотивов.

Аналогичные явления прослеживаются и в других версиях нартского эпоса, в абхазских волшебно-героических сказках, а также в более отдаленных эпических традициях древнего типа (например, в эвенкийской, шорской и алтайской). В эпическом творчестве самых разных языков и регионов эпико-фантастические описания, передающие реакцию природы на появление и действия эпического персонажа, сопоставимы не только по смысловому сходству, но и по словесному воплощению. Аналогичны сами конкретно уподобляемые образы землетрясения, грома, молнии, тучи, тумана, ураганного ветра, снега, града, дождя, стужи и т.д. Привлеченные примеры говорят о высокой степени типизированности выделенного вида описаний в широком фольклорном контексте.

Все выделенные нами описания абхазского эпоса о нартах связываются с определенными эпическими персонажами. И сообразно тому, какой персонаж фигурирует в главной роли в том или ином сказании, образуются основные сюжетные линии, или сюжетные ситуации в пределах, в которых употребляются анализируемые описания.

Анализ показал, что эпико-фантастические описания являются характерными факторами стиля абхазского нартского эпоса. Они встречаются в ряде основных сказаний и относятся к различным эпическим персонажам. Выделяются два типа или вида эпико-фантастических описаний: "общеэпические" и "нартские".

Первые обнаруживают высокую степень стабильности и типизированности. При всем своем своеобразии все варианты описаний сохраняют близкое словесное воплощение. В них сходна структура, специфика повествования, совпадают основные моменты. Вместе с тем, каждое описание функционирует в разносюжетных контекстах, еще шире – оказывается присущим едва ли не всему эпосу. Это объясняется переносом атрибутивного описания, приписыванием его другим эпическим персонажам и действиям. Утрата атрибутивного характера описания реакции природы на появление и действия эпического персонажа способствует превращению его в "метафорическое сравнение".

Таким образом, в нартских сказаниях описания, относящиеся к выделенному первому типу, предстают как сюжетно-значимые типические места. Описания же второго типа, в основном, являются сюжетными повторениями: типизируются в границах сюжета. Они наличествуют в пределах определенных сюжетных линий, еще уже – в одной сюжетной ситуации, хотя не исключена возможность их включения в другие сказания.

В работе выяснено конкретно, в каких сюжетах наличествует то или иное описание. Частотность появлений выделенных описаний зависит от специфики сюжетного повествования. Думается, этим обусловливается наличие некоторых эпико-фантастических описаний ("появление персонажа", "испытание героя богатырским конем", "физическое воздействие" рассказа героя о совершенных подвигах") и в абхазских волшебно-героических сказках: самой сюжетной взаимопроницаемостью эпического и сказочного текстов.

И, наконец, характерно, что представленные описания в абхазском нартском эпосе не выступают в качестве начальных формул или концовок, они обычно появляются в кульминационный момент повествования. Это их отличительная черта.

§ 2. Собственно гиперболические описания. Гипербола в абхазском нартском эпосе предстает как эстетическая реальность. Она отвечает повествовательной природе эпических сказаний и является первостепенно важным слагаемым их художественно-стилевой системы. Роль ее обнаруживается в самой структуре эпических явлений и действий. Так, по "предмету изображения" гиперболические описания в абхазском эпосе можно разделить на следующие группы: а) характеристика персонажа; б) пространственно-временная характеристика; в) характеристика предметного мира.

Пример первой группы (одоление богатырской девой-красавицей героев-сватов):

Цшьынҩажәи зежәҩык ааны илакуцахьан, цшьынҩажәи зежәҩык ҳҳы хцәаны атәҩан иахан	"Приезжали и боролись с ней девяносто девять человек, отсеченные головы девяноста девяти человек висели на плетне".

Пример второй группы (пребывание героев в пути):

Нартаа аишьцәа хьызрацарантәи иааныза раб Нарсит акыр ихыцит, илакуагьы цеит	"Пока братья-нарты находились в походе, отец их Нарсит успел постареть и ослепнуть".

Пример третьей группы (нартский кувшин):

Нартаа рҳапшьа Ҩазамкьат 600-ведра акуан	"Кувшин нартов Гвадзамкьат вмещал 600 ведер".

Функционирование гиперболы во всех выделенных сферах неодина-

ково, что в известной мере зависит от степени повествовательной мотивировки эпических событий и текстовой ситуации. В первой группе гипербола проявляется в двадцати описаниях (общее число вариантов – I56); во второй – в шести описаниях (всего вариантов – 84); в третьей – в пяти описаниях (всего – I0 вариантов). Общая частотность выделенных гиперболических описаний – 250 вариантов. Разумеется, не следует придавать этим цифрам абсолютного и исчерпывающего значения. Они лишь показывают некоторый средний уровень употребляемости гиперболы в нартском эпосе.

Анализ выявил наиболее устойчивые и частые гиперболические описания. По степени их распространенности выделяются, во-первых, типические гиперболы, наличествующие в ряде сюжетных ситуаций (I2), во-вторых, – атрибутивные или "единичные" гиперболические описания, присущие лишь определенному кругу сюжетов или же вариантам одних и тех же сказаний (I8).

Как оказалось, гипербола охватывает весь эпический (нартский) мир и все основное сюжетное воплощение эпоса. Однако степень гиперболичности эпических свойств различных персонажей разветвляется. Выделяется ряд персонажей, при изображении которых гипербола встречается чаще. Таковы образы адауы-великана (57), Сасрыквы (48), Нарджхьоу (22), пахаря (I4), Сатанеи-Гуащи (I3) и Гунды-красавицы (I2).

Употребление выделенных гиперболических описаний не ограничивается одним только эпосом. Ряд их находит параллели в волшебно-героических сказках и героико-исторических песнях и сказаниях. Это объясняется существованием общих межжанровых констант и переносом художественно-повествовательных формул эпоса в повествовательную систему других жанров. Такая картина перенесения описаний обусловливается героическим характером самих этих жанров. Иными словами, та повествовательная ситуация, при которой употребляются гиперболические описания в эпосе, сохраняется при употреблении их и в других видах народной словесности.

§ 3. Художественно-определительная система. В художественно-определительной системе нартской эпики ясно выделяются три разновидности воплощения эпитетики (простое определение, "описательный" атрибутивный ряд, удвоенный эпитет), обусловленные (в числе других факторов) синтаксической природой языка. Эти три принципа фактически просматриваются во всей системе эпитетов.

В первой группе разновидностей особая роль принадлежит оценочным героическим эпитетам. При этом различаются эпитеты абстрактного, собирательного значения, которые в ряде случаев образуют синонимические группы. Таковы доминантные эпитеты-определения: аду – "большой" (аб ду – "большой тур"); ацугуа – "сильный" (ахаца гугуа – "сильный мужчина"); абзиа – "хороший" (ахаца бзиа – "хороший мужчина"); ахучы – "маленький" (асқам хучы – "маленькая скамья"). Они составляют (организуют) основной эпитетный фон нартского эпоса (общее число появлений в нашем материале – I335). В повествовательной эпической речи они почти постоянно встречаются в самом общем значении. Большей конкретностью смысла отличаются их синонимы ("большое дерево", но "высокое дерево"). Синонимия оценочных (доминантных) эпитетов – одна из характерных черт абхазской нартской поэтической лексики. Близкие по значению эпитеты группируются вокруг нескольких объектов и эпических понятий. При этом в системе синонимии между аналогичными словами при всем сходстве постоянно сохраняются различные отличительные оттенки.

Меньшей частотой употребления обладают ситуативно-текстовые и субъективно-оценочные эпитеты (59). Они выделяются нами с учетом их художественной значимости.

К этой группе относятся определительные сочетания, указывающие на материал, из которого сделан тот или иной предмет (85), или на его относительный признак (43) и цветовые характеристики (36). Их своеобразие заключается не столько в выделении реальных конкретных признаков предмета, сколько в его идеализации. Поэтому они несут в себе оценочно-метафорический оттенок или становятся собственно метафорическими (ахьы-шьаргуца – "золотая ступня", абамба сы – "ватный снег", аамта еикуацәа – "черное время"). При этом основой их сближения служит героическая доминанта, свойство гиперболизации.

Вторую разновидность эпитетики составляют "описательные" эпитеты-определения, представленные атрибутивной группой слов или субстантивно-глагольной синонимией (I55). Ими выражается основная суть отдельного описания, мотива, сюжета или круга сюжетов. В одном случае атрибутивная группа предстает как уточняющий ряд в виде приложения (Сасрыкуа иан Сатанеи-Гуашьа – "мать Сасрыквы Сатанеи-Гуаща"), в другом – она составляет причастную конструкцию (шәоык афырхацәа зыхшаз Сатанеи-Гуашьа – "родившая сто богаты-

рей Сатаней-Гуаща"). Субстантивно-глагольная синонимия может быть основана на сравнении, вследствие чего ее конструкция удваивается (лыблакуа ца змамыз, амшын еицц изырлашоз - "ее глаза, не имевшие дна, которые все освещали, как море").

Основная художественная функция данных сочетаний - определение признаков, своеобразия персонажей или других различных эпических координат. Эти определительные сочетания содержат в себе основные свойства, суть характера эпического образа: ныцэа-аарцэала ииз сыҷкун - "мой сын, рожденный двумя берегами (реки)". Здесь определительное сочетание содержит как бы в свернутом виде содержание сюжета о "рождении и богатырском детстве героя". Это говорит о художественной весомости выделенных поэтических сочетаний, предстающих профилирующими элементами эпического стиля.

Следующий вид художественной определительности в абхазском нартском эпосе - удвоение эпитетов (II4), путем обозначения двух свойств или признаков эпического адресата. Определяемое понятие характеризуется как с реально-конкретной, так и с абстрактной стороны: два по-разному сочетающиеся эпитета с различных сторон определяют один адресат[4].

По своему составу и характеру сочетаемости удвоенные эпитеты разнообразны.

А. Определительное сочетание образуется двумя простыми эпитетами, самостоятельно связанными с эпическим адресатом (аихатэ хҷа ду - "большая железная стрела"). При этом первый эпитет ("железный") определяет реальное конкретное свойство предмета, а второй эпитет ("большой") выражает оценочный аспект и носит более абстрактный собирательный характер. Это обязательно один из выше названных доминантных эпитетов ("большой", "сильный", "хороший", "маленький") или их синонимов; он служит организующим компонентом художественно-определительного сочетания.

Б. В определительном ряду один из эпитетов характеризует или усиливает значение другого, непосредственно связанного с эпическим адресатом (ахуы ҳарак - ду - "холм - высоко-большой")[5].

4. На монголоязычном и тюркоязычном материале это явление раскрывает А.В.Кудияров в работе "Художественно-стилевые закономерности эпоса монголоязычных народов"//Фольклор: Образ и поэтическое слово в контексте. - М., 1984, с.12-25.

5. Для большей точности примеры данного типа переводятся на-

./.

В. Основной (уточняющий) эпитет заменяется атрибутивной группой слов: эпитет-индивидуальное определение сочетается с доминантным определением (уаса-шак зкуаз ақуаб ду - "большой котел, вмещавший сто баранов").

Удвоение эпитетов - это как бы "художественный итог" поэтической сочетаемости (известные определяющие компоненты употребляются на ином уровне определяемости). Отдельно выступают определительнне сочетания: "большое дерево" (ацла ду), "высокое дерево" (ацла ҳарак), "буковое дерево" (ашацла), "дерево - до небес" (ажәҩан иацасуа ацла). Отсюда складываются в одном случае - "дерево - высоко-большое" (ацла ҳарак-ду), в другом - "большое буковое дерево" (аша-цла ду) и в последнем - "большое дерево - до небес" (ажәҩан иацасуа ацла ду).

Значительное число нартских эпитетов неоднократно повторяется и сохраняет устойчивый характер (не в равной мере, но один и тот же эпитет с разной степенью варьирования появляется в различных или в одних и тех же сказаниях или же в их вариантах). Но, вместе с тем, в эпическом повествовании они не могут иметь абсолютного, безусловного постоянства. Таким признаком отличаются исключительно те собственные имена и понятия, которые встречаются с определяемыми словами, вошедшими в их состав.

Выделенный основной массив эпитетики характеризуется своей гиперболичностью. (Лишь определенный ряд эпитетов без преувеличений выражает реальные свойства персонажей и других эпических понятий.) Отсюда вытекает, что нартский эпитет предстает как средство художественного "гиперболического мышления". Проанализированные определительные сочетания убедительно говорят о гиперболической основе всей поэтико-изобразительной системы абхазского нартского эпоса.

В Заключении подводятся итоги работы, соотносятся и обобщаются наблюдения, содержащиеся в главах диссертации.

Проведенный анализ показал, что сюжетно-тематический состав и совокупность поэтико-стилевых средств в абхазских нартских сказаниях контекстуально взаимообусловлены. Практически на всех повествовательных уровнях характер употребления и частотность по-

ми дословно, без изменения конструкции словосочетания, хотя это в известной степени противоречит нормам русского языка.

явления рассмотренных поэтико-стилевых категорий зависят от специфики сюжетного развития и состояния эпоса. Анализ сюжетно-тематической реальности и художественно-стилевой специфики абхазского нартского эпоса в их контекстуальной взаимообусловленности представляется перспективным в дальнейшем историческом изучении системы сюжетов, поэтики и стиля народной эпики.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

I. Изображение женских персонажей в абхазском нартском эпосе // Журн."Алашара". - I983. - № I. - С.8I-85 (на абх.языке).

2. Основной персонаж абхазских нартских сказаний // "Алашара". - I984. - № 3. - С.99-I04 (на абх.языке).

3. Система эпитетов в стиле абхазского нартского эпоса // "Алашара". - I987. - № 5. - С.I09-II7 (на абх.языке).

4. Гиперболические описания абхазского нартского эпоса // "Алашара". - I988. - № 3. - С.II7-I22 (на абх.языке).

5. Эпико-фантастические (атрибутивные) описания в абхазском нартском эпосе // Труды Абхазского государственного университета. - Т.УI. - Сухуми, I988. - С.I03-II3.

6. Контаминация в абхазском нартском эпосе // "Алашара". - I989. - № I. - С.II2-I20 (на абх.языке).

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

ДЖОПУА З.Д. "Абхазский нартский эпос: Система Сюжетов. Поэтика. Стиль".

Зак.№467 Тир.100
ОРТП Госгипротранса